

А. В. Гринев

ТОТЕМИЗМ У ИНДЕЙЦЕВ ХАЙДА, ТЛИНКИТОВ И ЦИМШИАН

В настоящее время накоплен значительный материал о тотемизме у северных племен северо-западного побережья Северной Америки. Из исследователей, внесших немалый вклад в разработку этой проблемы, можно назвать таких известных американских и канадских ученых, как Джон Р. Свэнтон, Рональд Л. Олсон, Мариус Барбо, Фредерика де Лагуна и др. Привлекала эта тема и отечественных этнографов¹. В журнальной статье невозможно достаточно подробно и многосторонне осветить эту сложную проблему, поэтому внимание автора будет сосредоточено на ее наиболее спорных и специфических аспектах.

Изучение тотемизма у тлинкитов, хайда и цимшиан может помочь скорректировать само понятие «тотемизм», которое в отечественной научной литературе раскрывается почти исключительно на материалах австралийских аборигенов. Так, в Большом энциклопедическом словаре указывается, что тотемизм представляет собой «комплекс верований и обрядов первобытного общества, связанных с представлением о родстве между группами людей (обычно родами) и так называемыми тотемами... каждый род носил имя своего тотема. Его нельзя было убивать и употреблять в пищу». Сходное определение дается и в энциклопедическом справочнике «Народы мира», и в других изданиях². Однако анализ тотемизма у тлинкитов, хайда и цимшиан позволяет внести некоторые уточнения в трактовку этого понятия. Во-первых, в представлениях индейцев в целом отсутствовала идея кровного родства между человеческим коллективом и тотемом (роды у индейцев имели предков-людей, а не животных-тотемов). Даже в случае заключения мифического брака с тотемом (например, Медведицей, Солнцем и т. д.) потомки индейцев, вступивших в подобный брак, не являлись в силу родовой экзогамии и матрилинейного счета родства «сородичами» тотема. Во-вторых, названия родовых коллективов у тлинкитов, хайда и цимшиан произошли в подавляющем большинстве случаев от топонимических (географических) обозначений и названий домов, а не от названий тотемов. Например, название тлинкитского рода кагвантан (каукан'иттан) означает дословно «обитатели Дома, сгоревшего в огне», а обозначение родов индейцев хайда — та'джи и ква'даско ке'кава — и соответственно переводится как «люди песчаного селения» и «те, рожденные на ручье Квадаско»³. Поэтому широко используемые в отечественной научной литературе словосочетания типа «род Медведя», «род Ворона» или «род Волка» не отражают реальности, тем более, что обычно род владел несколькими тотемами, причем у ряда родов они были одинаковыми⁴. Аналогичные обозначения индейских родов встречаются и в англоязычной литературе, где, как отмечают современные аляскинские этнографы супруги Нора и Ричард Дауэнхауэры, вместо подлинных тлинкитских названий родов типа шангукеди (шинкукеди) или дешитан (дешу'иттан), труднопроизносимых по-английски, порой используются соответственно обозначения «клан Птицы-Грома» и «клан Бобра»⁵. Наконец, на северо-западном побережье отсутствовал запрет убивать и поедать тотемное животное.

Попытки ряда авторитетных советских этнографов построить жесткую эволюционистскую картину развития общества привели к тому, что тотемизм стал четко соотноситься с эпохой раннепервобытного общества, иллюстрацией которого традиционно служили австралийские аборигены. На более поздних этапах развития общества, по мнению этих ученых, можно говорить лишь о пережитках тотемических верований⁶. Однако общество индейцев северо-западного побережья никак нельзя отнести к разряду раннепервобытных, а анализ тотемизма у

тлинкитов, хайда и цимшиан не позволяет трактовать его как «пережиток». Более того, тотемизм являлся одним из основных элементов традиционной духовной культуры и был тесно связан с социальной организацией индейцев. Не случайно американский исследователь прошлого века А. П. Ниблэк обозначал роды тлинкитов и других индейцев северо-западного побережья термином «тотем». «На северо-западном побережье,— писал он,— тотемизм пронизывает всю племенную организацию». Все важнейшие церемонии в жизни как отдельного человека, так и целой общины, по его мнению, имели своей целью идентифицировать эту личность или группу людей с их тотемом ⁷.

У индейцев северо-западного побережья сложился устойчивый тотемический комплекс, который включал в себя следующие компоненты: 1) верования о сверхъестественной связи, единстве некоей социальной группы с каким-либо объектом природы (чаще всего с животным), представлявшимся обычно в виде полусверхъестественного или сверхъестественного существа, явившегося предкам индейцев; 2) обусловленные этими верованиями определенные ритуальные действия и поведение людей; 3) материальные и духовные результаты деятельности индейцев на основе тотемических верований (материальные изображения тотема, посвященные ему песни, танцы, предания и т. п.). По мнению видного американского этнографа Ф. де Лагуны, тотемы у индейцев тлинкитов были явно чем-то большим, нежели только эмблемами социальных групп или превосходными произведениями искусства ⁸. Здесь следует подчеркнуть, что само понятие «тотем» достаточно многозначно и обычно лишь из контекста становится ясно, о чем идет речь. Под термином «тотем» часто подразумевается конкретный природный объект-праобраз: медведь, касатка, лягушка, бобр и т. п. Более точное значение этого понятия, собственно тотем — сверхъестественное существо, дух в образе животного, духовный символ рода, нередко выступающий как сверхъестественный покровитель, сливающийся с сонмом духов предков. Наконец, «тотемами» называют их материальные воплощения в виде разных фигур, рисунков и т. п. на церемониальных накидках, тотемных столбах, шляпах вождей и др., именуемые порой «эмблемами» или «гербами», которые мы в дальнейшем будем называть «тотемными объектами» ⁹.

Некоторые отечественные исследователи стремились связать тотемизм у индейцев северо-западного побережья с промысловым культом, что, очевидно, восходит к гипотезе Джеймса Дж. Фрезера ¹⁰. Но эта точка зрения уже подвергалась справедливой критике со стороны других отечественных ученых ¹¹ и, кроме того, не может быть подкреплена фактическими данными, так как подавляющее большинство природных праобразов тотемов не имело никакого хозяйственного значения (Ворон, Лягушка, Луна, Древесный Червь и т. д.).

Экологическое окружение и специфика хозяйства были необходимыми условиями возникновения тотемизма, но глубинные истоки его — в социальной, религиозной и эмоциональной сферах. Психозфизические корни тотемизма — сны, видения, образы, возникающие перед внутренним взором людей, в которых отражалась окружающая среда, и прежде всего ее живые, подвижные элементы — животные. Не случайно именно животные выступают обычно в роли тотемов, связывая коллектив сородичей с природным миром и одновременно со сферой сверхъестественного. Поскольку тотем приобретали предки индейцев, он служил естественным посредником между миром живых людей и их предков, т. е. между прошлым, настоящим и будущим. Вообще характерная черта тотемизма у хайда, тлинкитов и цимшиан — тесное переплетение его с культом предков, что находило свое выражение в обрядовой практике на потлаче.

Тотемы и тотемические представления были своеобразным отражением родовой структуры всех трех племен. С точки зрения самих индейцев, тотемы были главной чертой, специфическим отличием рода и его подразделений ¹². Соответственно существовали тотемы фратрий, родов, линиджей (локальных сегментов рода) и сублиниджей (представлявших собой родовое ядро конкретных домохозяйств).

В какой-то мере можно говорить о сложении у тлинкитов, хайда и цимшиан

таких разновидностей тотемизма, как племенной и личный. Племенной тотемизм восходит к представлениям индейцев об их главном культурном герое, миростроителе — Вороне, точнее — Человеке-Вороне. Личный тотемизм, как и в Австралии, был характерен прежде всего для шаманов. Особое место среди шаманских духов-покровителей у индейцев всех трех племен занимали духи Выдр, из чего можно сделать вывод, что Выдра превратилась в своеобразный «профессиональный» тотем шаманов. Известный этнограф З. П. Соколова упоминает совершенно сходное явление, наблюдавшееся у азиатских народов: главным помощником бурятского шамана считался Волк, алтайского — Олень, нивского — Орел¹³.

В работах отечественных исследователей Ю. П. Аверкиевой и Г. И. Дзенискевич говорится о превращении тотемизма у тлинкитов из родового культа в семейный¹⁴. Однако у тлинкитов, равно как и у хайда и цимшиан, при четкой родо-фратриальной филиации супругов (соответственно и тотемной) это вряд ли было возможно. Скорее всего, ученые, недостаточно четко представив себе структуру тлинкитского общества, писали о возрастании значения тотемов сублинджей. С другой стороны, как и в Австралии, роль фратриальных тотемов была относительно небольшой, в то время как родовые/линиджные тотемы явно доминировали, поскольку были наиболее полно включены в религиозно-обрядовую жизнь индейцев.

Как уже указывалось выше, особенностью тотемизма у северных племен северо-западного побережья было наличие у одного рода нескольких тотемов и одновременно одинаковые тотемы у различных родов (у цимшиан один и тот же тотем нередко почитался даже родами разных фратрий). При этом количество тотемов у тлинкитских родов было обычно небольшим (один — четыре у одного рода), тогда как у хайда и особенно у цимшиан число их могло быть довольно значительным¹⁵. Пожилые тлинкиты сообщали Дж. Т. Эммонсу, что в старину каждый род владел только одним тотемом и лишь позднее их количество возросло. Хотя у рода и было несколько тотемов, но один из них считался наиболее значительным, главным¹⁶. Наличие нескольких тотемов у одного рода (линиджа) и обязательные потлачи, устраивавшиеся в их честь, свидетельствуют, очевидно, о постепенной утрате тотемами своих первоначальных функций родовых маркеров и превращении их, а точнее, их изображений и духовных атрибутов (песен, почетных имен и т. д.) в символы престижа.

Именно среди индейцев северо-западного побережья мы встречаем совершенно особую форму тотемизма, которую можно обозначить как «престижный тотемизм» — явление, совершенно неизвестное в Австралии. Дело в том, что тотемы и их изображения, посвященные им легенды, песни и т. п. не получали социального признания без публичной раздачи подарков на потлаче членам родов противоположной фратрии, которые как бы свидетельствовали и подтверждали «законность» прав рода (устроителя потлача) на тот или иной тотем. Канадский исследователь М. Барбо, изучавший цимшиан и хайда, указывал, что без раздачи имущества на потлаче тотем превращался в объект насмешек¹⁷. По данным Дж. Свэнтона, некоторые роды у тлинкитов были так бедны, что вообще не имели тотемов, а другие — наоборот, так богаты, что могли использовать любые. У хайда, например, тотем Луна принадлежал четырем-пяти самым могущественным сублинджам, а ряд бедных подразделений родов могли пользоваться родовыми тотемами только по разрешению наиболее зажиточных и знатных вождей¹⁸. К. Оберг писал, что значение рода определялось количеством имущества, раздаренного им на последних потлачах, а полученный в результате этого престиж концентрировался обычно на изображениях тотема («гербах» в англоязычной литературе). «Ценность герба есть ценность клана [рода], — добавлял он, — и потлач является механизмом, посредством которого герб получает свою ценность»¹⁹. Чем чаще этот визуальный символ рода демонстрировался на потлачах, чем больше богатств раздавалось во время этих церемоний, тем большую ценность он имел в глазах индейцев и тем самым обеспечивал более высокий ранг его владельцам.

Однако престиж не распространялся равномерно на представителей того или иного рода, устроившего потлач, а концентрировался прежде всего на хранителях родовых святынь и знатоках родовых преданий — вождях, богатой аристократии. Поскольку тотемные объекты (как материальные, так и духовные) имели неодинаковую ценность, вождь разрешал использовать их своим сородичам в соответствии с их статусом и рангом, контролируя таким образом социальную мобильность внутри родового коллектива²⁰. Совсем не случайно, что социальная конкуренция внутри рода или между родами за более высокий ранг и престиж нередко выражалась в соперничестве за права на тотемы, их изображения, связанные с ними атрибуты и т. д. Так, один из вождей ниска-цмшиан по имени Ладекс не позволял другим вождям своего селения воздвигать тотемные столбы, которые превышали бы по высоте его собственный. Когда один из лидеров рода противоположной фратрии попытался все же установить более высокий столб, то был вскоре убит в результате интриг Ладекса. Последний позднее вынудил вождя своего собственного линиджа вдвое укоротить принадлежавший тому столб²¹. Таким образом, родовая аристократия была заинтересована в сохранении и поддержании престижного тотемизма.

Если посмотреть на этот вопрос шире, то род начинает идентифицировать себя как значимую социальную группу после обретения тотема, т. е. он превращается из простой группы родственников в коллектив, который в состоянии устроить потлач в честь своей духовной сущности и занять посредством этого достойное место в иерархии родовых коллективов. Поэтому дорогие (и бессмысленные с точки зрения современного человека) жертвоприношения на потлачах в честь тотема, его изображения или формальных привилегий, связанных с ним (право на его изображение особым образом, почетное имя «по тотему», песню и т. д.), были для самих индейцев весьма важны — они иерархически обустроивали их социальный мир, приводили его в гармонию с природой, миром предков и сверхъестественных сил.

Причиной и необходимым условием функционирования престижного тотемизма была, несомненно, престижная экономика, присущая традиционному обществу индейцев северо-западного побережья, суть которой раскрыта в превосходной работе Ю. И. Семенова²². Для экономики этого типа было характерно непродуктивное использование произведенных ценностей для церемониального перераспределения или уничтожения на потлачах. При этом реальные ценности получали социальную значимость в процессе торжественных раздач, а не накопления. Стоимость же розданного имущества как бы символически «вкладывалась» или «накладывалась» на материальные изображения тотема или связанные с ним духовные атрибуты.

Все материальные воплощения тотемов можно, на наш взгляд, условно разделить на две группы. К первой, наиболее почетной, относятся конические деревянные или плетеные родовые шляпы с изображением тотема и, по некоторым данным, резные церемониальные жезлы вождей. Так, тлинкиты рода дешитан сообщали К. Мак-Клеллан, что демонстрация на потлаче их Шляпы Ворона и исполнение посвященных ей песен являются «наиболее почетным делом», которое они могут совершить²³. Публичное «освящение» таких предметов обходилось очень дорого. Например, в честь жезла вождя тлинкитов рода кагвантан и его Шляпы Касатки на потлаче были задушены четыре раба²⁴.

То, что именно шляпы и жезлы вождей выступали в качестве главных символов рода/линиджа/сублиниджа, конечно, не случайно. Ведь вожди являлись центральными действующими лицами на потлачах, их «дирижерами», живыми воплощениями тотемов и предков. Они же получали и наибольший престиж. Связь между тотемами и аристократией подчеркивалась и особым способом демонстрации тотемного объекта: он должен быть хорошо видим и находиться в тесном контакте с телом устроителя потлача; в ином случае, как отмечал К. Оберг, он не получал ценности в глазах индейцев²⁵.

Ко второй категории материальных воплощений тотемов можно отнести их изображения на опорных столбах и фронтонах домов, боевых каноэ, рукоятках

Рис. 1. Вождь цимшиан в деревянной раскрашенной шляпе с изображением лягушки (шляпа хранится в одном из канадских музеев). Каждый диск в навершии шляпы означает потлач, проведенный ее владельцем (Рис. 1 и 2 выполнены автором)

кинжалов, церемониальных накидках и т. п. По своей престижности они несколько уступали родовым шляпам вождей. Если последние были, видимо, неотчуждаемой собственностью рода, то тотемные объекты «второй категории» и связанные с ними духовные атрибуты могли заимствоваться на время представителями других родов по добровольному согласию сторон, захватываться во время военных действий или в случае неуплаты долга, или даже покупаться вместе с «авторскими правами» на тот или иной тотемный объект. Однако в любом случае отчуждение или передача тотемного объекта на временной или постоянной основе было экстраординарным актом. Приобретаемые таким образом материальные и духовные объекты имели первоначально, видимо, меньшее значение, чем исконные тотемы, поскольку они имели вполне прозаическое происхождение и не ассоциировались напрямую с духовной сутью рода²⁶. Лишь по прошествии нескольких поколений, пройдя через вереницу потлачей и получив свою легенду, они могли превратиться в подлинный тотем со всеми его атрибутами.

Когда тотемный объект ветшал от времени, его сжигали и «хоронили» почти как знатного индейца, а его имя всегда передавалось новому объекту, изображавшему тот же самый тотем. Таким образом, отмечает С. А. Кан, тотем и его материальное воплощение оставались как бы бессмертными, подобно душе человека, вновь вселявшейся, по представлениям индейцев, в тело новорожденного сородича²⁷.

Особо следует сказать о материальных предметах, не являющихся изображениями тотемов, но тем не менее фигурировавших на потлачах как особая

Рис. 2. Тотемные столбы тлинкитов и хайда. Левый опорный домовой столб принадлежит тлинкитскому роду дешитан и изображает сверхъестественного Бобра, убившего вождя селения с помощью чудесного лука (зажатого в левой руке фигуры) и ударом хвоста разрушившего селение рода (перевернутое лицо — символ смерти — помещено между ног Бобра и символизирует либо погибшего вождя, либо разрушенное селение). Правый мемориальный столб принадлежит хайда-кайгани и изображает тотем Медведя

ценность рода или отдельного богатого вождя. К таким предметам у тлинкитов относились, например, огромное корыто для подачи пищи гостям на потлаче («Мать-Корзина»), пара ушных подвесок знатной женщины, изображение белого человека на «тотемном» столбе и т. д. Все их К. Оберг относил к «гербам», т. е. к тотемам, хотя и оговаривался, что они не были связаны со сверхъестественными силами²⁸. Действительно, подлинными тотемными объектами их назвать нельзя, так как они не имели никакого религиозного обоснования.

К числу подобных объектов относятся, на наш взгляд, и знаменитые медные пластины индейцев северо-западного побережья. Некоторые этнографы считают, что они представляют собой металлические гербы²⁹, а по мнению Г. И. Дзенискевич, медные пластины «наряду с прочими родовыми эмблемами служили знаками для утверждения территориальных притязаний». В результате автор приходит к парадоксальному выводу, что вручение русскими тлинкитским вождям медных гербов Российской империи в период колонизации Аляски без предоставления каких-либо связанных с этим экономических привилегий явилось одной из причин восстания индейцев в 1802 г.³⁰ С этим нельзя согласиться. Во-первых, медные

пластины были достаточно обычным объектом купли-продажи (хотя и очень дорогим), а на потлачах их нередко дарили гостям целиком или предварительно разломав на куски, а иногда и просто топили в море, чего не делали с подлинными тотемными объектами. Во-вторых, если бы медные пластины были символами территорий, то при их передаче представителям других родов должны были бы передаваться и соответствующие земли, чего в реальной жизни не происходило. Например, в преданиях цимшиан сообщается о приобретении у тлинкитов очень дорогой медной пластины, однако при этом они не получили ни пяди тлинкитской земли³¹. Медные пластины в отличие от подлинных тотемных объектов находились, очевидно, в полной собственности богатых вождей, являясь квинтэссенцией богатства, его символом.

Здесь стоит остановиться на популярном в российской науке тезисе о тесной взаимосвязи тотемизма и экономических, владельческих прав на родовые угодья³². По мнению авторитетного советского американиста Ю. П. Аверкиевой, тотемические объекты (одеяние вождя, тотемный столб и т. д.) выступали знаками родовой собственности на определенные земли, а с точки зрения Г. И. Дзенiskeвич, индивидуальный тотемный символ (маска, шлем и проч.) мог быть эмблемой частной собственности на охотничьи участки³³. Эти утверждения вызывают серьезные сомнения. Тотем или его материальное изображение были, на наш взгляд, прежде всего символами социальной группы, а не какой-либо территории и, если и были связаны с нею, то лишь через посредничество этой группы, а не «напрямую». Род (или его подразделение) мог переселиться в другое место, потерять свои старые территории, но он обычно всегда сохранял свои тотемы. Правда, у тлинкитов существовали так называемые «географические», или «территориальные», тотемы — различные горы, скалы, ручьи (точнее, их духи), но они были весьма немногочисленны, имели ограниченное влияние, а их природный праобраз обычно не имел никакого хозяйственного значения³⁴. Так, гора Фэруэтер, одна из высочайших гор Аляски (4663 м), служит тотемом роду такдентан. Дух этой горы — собственно тотем — воплощается в церемониальной шляпе «Цалханту Шаву Саху» (Шляпа-[Духа]-Женщины-[Горы]-Цалхан, т. е. Фэруэтер). Этот дух был видением одной из шаманок такдентан по имени Шкик. Другим «географическим» тотемом был Ледник (а также Айсберги, откальвающиеся от него) в районе залива Шлетчер-Бэй у рода чуканеди. Встречаясь во время плавания на каноэ по проливу Кросс-Саунд с айсбергом, индеец чуканеди мог обратиться к нему со словами: «Ишаниха'н к ко'хде» — «Мы бедны, мой дядя [по матери], отойди от нас»³⁵.

Территориальные притязания рода находили свое отражение не в тотеме, а в родовых преданиях, излагавшихся на потлачах, что придавало им особую социальную значимость. В них сообщалась история рода, его миграции, предания о тотемах. В них же давалось объяснение названий родовых угодий, происхождение которых обычно не было известно чужакам³⁶. Таким образом подводилась «юридическая база» под владение родовыми угодьями, но все претензии рода получали законную силу только в ходе проведения потлача. Видимо, именно поэтому роль «авторского права», своего рода «интеллектуальной собственности» была так велика у индейцев северо-западного побережья. Изготовление идентичного тотемного объекта или исполнение связанных с ним песен, преданий и т. п. без санкции владельцев могло повлечь за собой столкновение между родами. Так, из преданий известно о многолетней войне между тлинкитскими родами канахтеди и тлюкнахеди из-за Шляпы Ворона³⁷. К. Оберг отмечал, что хотя многие роды фратрии Ворона у тлинкитов имели свои Шляпы Ворона, но все они чем-то отличались друг от друга и имели разные названия³⁸. Строгое соблюдение авторских прав (закрепленных раздачами имущества на потлачах) касалось не только материальных объектов, но и таких духовных ценностей, как связанные с тотемом танцы, песни, почетные имена, привилегии особым образом демонстрировать тотем. Например, только тлинкиты рода кагвантан имели право вырезать фигуру Медведя Гризли на верхушке тотемного столба³⁹.

Тотемические представления оказали огромное влияние на искусство индейцев северо-западного побережья⁴⁰. Изображения тотемов, обычно в стилизованном, полуживотном-получеловеческом виде, украшали почти все церемониальные предметы и многие жизненно важные объекты, такие, как дома, крупные боевые каноэ, оружие, утварь, праздничную одежду и т. п. Тотемные рисунки и символы индейцы наносили краской на лица; кроме того, у хайда они являлись главным сюжетом татуировок на теле, руках и ногах знатных людей. Каждая новая татуировка сопровождалась обязательным потлачем⁴¹. В то же время Ф. де Лагуна справедливо отмечает, что не все предметы с изображениями животных могут классифицироваться как тотемные⁴². Во-первых, потому, что далеко не все животные служили тотемами конкретному роду, а, во-вторых, такие изображения могли получить общественное признание, только пройдя через потлач. Кстати, знаменитые тотемные столбы индейцев северо-западного побережья не всегда оправдывают свое название, так как вырезанные на них фигуры могут изображать историю мифа, какое-либо конкретное событие в истории рода или своего вождя, а не собственно тотем. Например, изображение президента США А. Линкольна на «тотемном» столбе тлинкитов рода канахтеди из Тонгасса или трех русских миссионеров на столбе вождя хайда Скоула не превратили их в подлинные тотемы. В последнем случае имеется как минимум пять версий, объясняющих появление фигур русских на столбе хайда-кайгани⁴³. Лишь резные опорные столбы внутри дома (и то не всегда) и те, что выставлялись рядом с могилами умерших вождей, могут именоваться тотемными. Они были, как правило, небольшими по размеру и обычно имели одно — три резных изображения родовых и (или) фратриальных тотемов. Более крупные резные столбы, включенные во фронтоны домов как элементы конструкции или выставлявшиеся перед их фасадами, обычно имели изображения не только тотемов, но и каких-либо мифологических существ, а иногда даже резные фигуры вождей — владельцев дома, причем у хайда нередко помимо тотемов хозяина на столбах изображались и тотемы его жены⁴⁴.

Престижный тотемизм, сложившийся у тлинкитов, хайда и цимшиан, имел тенденцию к расширению ареала, особенно после начала европейской колонизации со второй половины XVIII в. Последняя вызвала резкое усиление торгового обмена между индейцами побережья и глубин материка, в котором первые явно доминировали. В ходе их торговой, а иногда и военной экспансии внутриматериковые атапаски заимствовали сложившийся у индейцев побережья тотемический комплекс, родовую организацию и даже названия некоторых родов. Любопытно отметить, что атапаски кэрриэр приобрели от цимшиан тотем Кита, а атапаски тагиш адаптировали от тлинкитов тотем Касатку, живые пробразы которых были не известны внутриматериковым индейцам. Как показало исследование Ф. де Лагуны, тотемический комплекс обладал в целом большей подвижностью и широтой распространения, чем матрилинейная родовая организация, причем у атапасков престижная сторона тотемизма проявлялась еще более ярко, чем у береговых индейцев. Тотемы у них служили главным образом для усиления влияния вождей с явной тенденцией к превращению их в личные престижные символы⁴⁵.

Сложившийся у тлинкитов, хайда и цимшиан тотемический комплекс был полностью заимствован также соседними береговыми племенами: эйяками на северо-западе (от тлинкитов) и белла-белла на юге (от цимшиан). У живших еще южнее по побережью квакиютлов и нутка тотемизм имел уже свои особенности: у этих племен отсутствовала матрилинейная родовая организация, характерная для северных племен. Поэтому, например, у квакиютлов вождь получал тотем при женитьбе от своего тестя как приданое; таким образом тотемы и права на них передавались по женской линии, в чем Дж. Фрэнгер усматривал пережитки «матриархата»⁴⁶.

Русская, английская и американская колонизация юго-восточной Аляски и северо-западной части Британской Колумбии не привела к радикальным переменам в тотемическом комплексе у тлинкитов, хайда и цимшиан, хотя заметно

изменила (особенно в XX в.) условия его существования. Так, под влиянием усилившегося товарообмена в XIX в. тотемные объекты (как материальные, так и духовные) стали, видимо, чаще выступать объектами купли-продажи, о чем свидетельствует одно из преданий, записанное Р. Л. Олсоном⁴⁷. Кроме того, по мнению некоторых этнографов, ряд экзотических объектов, не свойственных традиционной культуре индейцев, превратился в новые тотемы (например, парусник, свинья, белый человек), запечатленные на «тотемных» столбах⁴⁸. На самом деле подобные фигуры можно, скорее, назвать «тотемообразными объектами», а не тотемами в полном смысле слова. Обычно такие изображения служили в качестве иллюстрации истории рода или примечательного факта в биографии того или иного вождя, воздвигшего церемониальный столб. Так, вожди гитксандимшиан с верховьев р. Скина, впервые побывавшие в английской фактории на оз. Медвежье, были настолько поражены всем увиденным там, что, возвратившись в свое селение, устроили потлачи в честь новых «тотемов» и позднее вырезали Собаку Белого Человека, прозванную «Масселос» (т. е. «мистер Росс», как звали управляющего английской факторией) на «тотемном» столбе, а палисад, окружавший английский торговый пост, трансформировался в маленькую оградку вокруг столба⁴⁹. Вызывает, однако, сомнение, что цимшианские вожди продолжили почитание этих изображений в дальнейшем, что было характерно для подлинных тотемов. Единственным исключением, возможно, является тотем Корова у одного из тлинкитских родов. Ф. де Лагуна полагает, что на самом деле это не корова, а самка лесного бизона, которую предки индейцев видели в глубинах материка, хотя, по другим данным, коровью шкуру они получили от русских, когда те начали осваивать юго-восточную Аляску⁵⁰. На наш взгляд, история этого тотема восходит к событиям 1802 г., когда тлинкиты захватили и разграбили русскую крепость на о-ве Баранова и перебили не только почти всех ее защитников, но и содержащихся при поселении коров, присвоив при этом как «трофей» образ экзотичного для них животного. Кроме того, бытовала тенденция к превращению символа Византии и Российской империи — двуглавого орла — в тотем одного из линиджей у индейцев тлинкитов. Медный двуглавый орел, которого их предки получили от русских, рассматривался самими индейцами как ценный тотемический символ первых европейских пришельцев⁵¹.

Вплоть до начала XX в. тотемизм продолжал сохранять прочные позиции в индейском обществе. Однако деятельность американской и британской администрации, миссионеров и школьных учителей, а также некоторых представителей самих индейцев дискредитировала потлач и демонстрацию на нем родовых тотемов. В Британской Колумбии потлачи одно время были вообще законодательно запрещены. И все же тотемические представления оказались очень живучи. Еще в середине XX в. К. Мак-Клееллан писала, что «даже сегодня несколько долларов могло быть отдано члену противоположной фратрии во время фотографирования родового герба»⁵². В настоящее время тотемический комплекс продолжает бережно сохраняться индейцами как часть духовного наследия их предков, хотя его престижная сторона отошла уже на задний план.

Изучение тотемизма у индейцев северо-западного побережья невольно наводит на мысль, что одним из источников современной геральдики были тотемические верования. Это особенно наглядно проявляется в случаях выбора эмблем из животного мира. Ближе всего к тотемическим эмблемам и по сути, и по внешнему оформлению гербы некоторых дворянских родов. Кроме того, ряд городских гербов России, по-видимому, тотемного происхождения (герб Ярославля, Ростова). Аналогично в Германии и Швейцарии города Рабенау, Эльстерверда и Берн имеют гербы с изображением ворона, сойки и медведя соответственно. Наконец, тотемические черты могут иметь и гербы некоторых государств, особенно если в качестве символа выбирается какое-либо примечательное животное или растение, нередко включенное и в герб королевской фамилии. Так, лев в гербе Великобритании стал символом этого государства, орел — в гербе Мексики, крокодил — в гербе африканского государства Лесото и т. д. Но все эти сюжеты требуют особого исследования.

- ¹ См.: *Аверкиева Ю. П.* Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки (род и потлач у тлинкитов, хайда и цимшиан) // *Тр. Ин-та этнографии* (нов. сер.). Т. LXX. М., 1961; *Дзенискевич Г. И.* Медведь в искусстве индейцев северо-западного побережья Северной Америки // *Культура народов Америки: Сб. Музея антропологии и этнографии*. Т. XL. Л., 1985. С. 59—73; *ее же.* Роль тотемной символики на потлаче у тлинкитов // *Сов. этнография*. 1987. № 3. С. 106—114; *Гринева А. В.* Индейцы тлинкиты в период Русской Америки (1741—1867 гг.). Новосибирск, 1991. С. 73—76; *его же.* Престижный тотемизм у тлинкитов, хайда и цимшиан // VII Международный конгресс по традиционным культурам охотников и собирателей (СНАGS 7). 18—22 августа 1993 г. М., 1993. С. 53, 131—132 и др. работы. См. обобщающие труды о тотемизме: *Хайтун Д. Е.* Тотемизм. Его сущность и происхождение. Сталинабад, 1958; *Frazer J. G.* Totemism and Exogamy. A Treatise on Certain Early Forms of Superstition and Society. V. I—IV. London, 1910.
- ² Большой энциклопедический словарь. М., 1990. С. 1358—1359; *Народы мира: Историко-этнографический справочник*. М., 1988. С. 595.
- ³ *Вениаминов И. Е.* Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. Ч. III. С. 33; *Swanton J. R.* Contributions of the Ethnology of the Haida // *Memoir of the American Museum of Natural History*. V. V. Pt. I. N. Y., 1905. P. 268—269.
- ⁴ Подробнее: *Гринева А. В.* Индейцы тлинкиты в период Русской Америки... С. 51—52, 251—252. З. П. Соколова пишет, что во фратрию Волка у тлинкитов входил род Пингвина, хотя пингвины не водятся в Северном полушарии (см.: *Соколова З. П.* Культ животных в религиях. М., 1972. С. 28).
- ⁵ *Dauenhauer N. V., Dauenhauer R.* Introduction: The Form and Function of Tlingit Oratory // *Haa Tuwpaangu Yis, For Healing Our Spirit* / Eds. N. M. Dauenhauer, R. Dauenhauer. Seattle; London, 1990. P. 7.
- ⁶ *Аверкиева Ю. П.* Указ. раб. С. 25; *Соколова З. П.* Указ. раб. С. 19, 40; Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2, М., 1992. С. 522; *Этнография: Учебник* / Под ред. Ю. В. Бромляя, Г. Е. Маркова. М., 1982. С. 46 и т. д.
- ⁷ *Nieblack A. P.* The Coast Indians of Southern Alaska and Northern British Columbia // *Annual Report of the United States National Museum*, 1888. Wash., 1890. P. 243—245.
- ⁸ *Laguna F. de.* Tlingit // *Handbook of North American Indians. Northwest Coast*. V. 7 / Ed. W. Suttles, gen. ed. W. C. Sturtevant. Wash., 1990. P. 213.
- ⁹ *Dauenhauer N. M., Dauenhauer R.* Op. cit. P. 14—16.
- ¹⁰ *Дзенискевич Г. И.* Медведь в искусстве индейцев... С. 59; *ее же.* Роль тотемной символики... С. 109. См.: *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь: Исследования магии и религии. М., 1986. С. 85.
- ¹¹ См.: *Токарев С. А.* Ранние формы религии. М., 1990. С. 65, 70; *Костюхин Е. А.* Типы и формы животного эпоса. М., 1987. С. 33.
- ¹² *Laguna F. de.* Under Mount Saint Elias: The History and Culture of Yakutat Tlingit. Wash., 1972. Pt. 1. P. 451.
- ¹³ *Соколова З. П.* Указ. раб. С. 92—93.
- ¹⁴ *Аверкиева Ю. П.* Указ. раб. С. 25; *ее же.* К вопросу о тотемизме у индейцев северо-западного побережья Северной Америки // *Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований: Сб. трудов Ин-та этнографии*. Т. LI. М., 1959. С. 254; *Дзенискевич Г. И.* Роль тотемной символики... С. 107.
- ¹⁵ *Swanton J. R.* Op. cit. P. 268—276; *Ibid.* Social Conditions, Beliefs and Linguistic Relationship of the Tlingit Indians // *Annual Reports Bureau Amer. Ethnol.* 1908. № 26. P. 415; *Laguna F. de.* Matrilineal Kin Groups in Northwestern North America // *Proceedings Northern Athapaskan Conference*. V. 1. Ottawa, 1971. P. 46—49, 70.
- ¹⁶ *Emmons G. T.* The Tlingit Indians / Ed. F. de Laguna. Seattle; L., N. Y. 1991. P. 33.
- ¹⁷ *Barbeau M.* «Totemic Atmosphere» on the North Pacific Coast // *J. Amer. Folk-Lore*. 1954. V. 67. № 264. P. 112.
- ¹⁸ *Swanton J. R.* Op. cit. P. 69, 107, 273.
- ¹⁹ *Oberg K.* The Social Economy of the Tlingit Indians of Alaska. Seattle; L. 1973. P. 125.
- ²⁰ См.: *Laguna F. de.* Under Mount Saint Elias... P. 460; *Kan S. A.* Symbolic Immortality. The Tlingit Potlach of the Nineteenth Century. Wash.; L., 1989. P. 170, 217, 248.
- ²¹ *Barbeau M.* Totem Poles According to Crests and Topics. V. 1. Quebec, 1990. P. 5.
- ²² *Семенов Ю. И.* Экономическая этнология: Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XX. Кн. 1. Ч. II. М., 1993.
- ²³ *McClellan C.* The Interrelations of Social Structure with Northern Tlingit Ceremialism // *Southwest J. Anthropol.* 1954. № 17. P. 88.
- ²⁴ *Анатолій, архимандрит.* Индиане Аляски: Быт и религия их. Одесса, 1906. С. 22.
- ²⁵ *Obeeg K.* Op. cit. P. 126.
- ²⁶ См.: *Kan S. A.* Op. cit. P. 224.
- ²⁷ *Ibid.* P. 70.
- ²⁸ *Oberg K.* Op. cit. P. 43—44.
- ²⁹ *Дзенискевич Г. И.* Медведь в искусстве индейцев... С. 62—63; *ее же.* Роль тотемной символики... С. 113; *ее же.* Легенда хайда «Происхождение грызущего Бобра» (К проблеме реконструкции общества хайда XIX в.) // *Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры*. Л., 1990. С. 134; *Kan S. A.* Op. cit. P. 246.

- ³⁰ Дзенискевич Г. И. К ранней истории русско-тлинкитских отношений // Америка после Колумба: взаимодействие двух миров. М., 1993. С. 67—68; 70—71; о подлинных причинах восстания тлинкитов в 1802 г. см.: Гринева А. В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки... С. 114—120.
- ³¹ Tsimshian Narratives. V. 1. Ottawa, 1987. P. 13—52.
- ³² Токарев С. А. Указ. раб. М., 1990. С. 71—72; Аверкиева Ю. П. К истории общественного строя у индейцев северо-западного побережья Северной Америки (род и потлач у тлинкитов, хайда и цимшиан) // Американский этнографический сборник: Тр. Ин-та этнографии (нов. сер.). М., 1960. Т. LVIII. С. 31, 53, 62—63 и др.
- ³³ Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины... С. 25; Дзенискевич Г. И. Легенда хайда... С. 131, 135; *е* же. К ранней истории русско-тлинкитских отношений... С. 67; см. также: Kan S. A. Op. cit. P. 345.
- ³⁴ См. подробнее: Laguna F. de. Under Mount Saint Elias... P. 456.
- ³⁵ Daeunhauer N. M., Daeunhauer R. Op. cit. P. 16—17, 90—91, 392; Olson R. L. Social Structure and Social Life on the Tlingit in Alaska // Anthropological Records. 1967. V. 26. P. 117.
- ³⁶ Olson R. L. Op. cit. P. 12.
- ³⁷ Swanton J. R. Tlingit Texts and Myths // Bull. Bureau Amer. Ethnol. 1909. № 39. P. 161—165.
- ³⁸ Oberg K. Op. cit. P. 124; также Olson R. L. Op. cit. P. 26.
- ³⁹ Olson R. L. Op. cit. P. 40.
- ⁴⁰ См. основательную работу Олдоны Джонэйтис: Jonaitis A. Art of the Northern Tlingit. Seattle; L. 1986.
- ⁴¹ Murdock G. P. Culture and Society. Pittsburgh, 1965. P. 269.
- ⁴² Laguna F. de. Under Mount Saint Elias... P. 443—445.
- ⁴³ Garfield V. E., Forrest L. A. The Wolf and the Raven. Seattle, 1961. P. 52—55, 67—70.
- ⁴⁴ Swanton J. R. Contributions of the Ethnology... P. 122—124.
- ⁴⁵ См. Laguna F. de. Matrilineal Kin Groups... P. 21—22, 50, 53, 56—58 и др.
- ⁴⁶ Frazer J. G. Op. cit. V. III. P. 327—329.
- ⁴⁷ Olson R. L. Op. cit. P. 43.
- ⁴⁸ Ibid. P. 38; Oberg K. Op. cit. P. 44; Kan S. A. Op. cit. P. 74—75, 315.
- ⁴⁹ Barbeau M. Totem Poles According to Crests... P. 9.
- ⁵⁰ Laguna F. de. Matrilineal Kin Groups... P. 71, 82; см. также: Olson R. L. Op. cit. P. 44; Oberg K. Op. cit. P. 43—44; Emmons G. T. Op. cit. P. 32.
- ⁵¹ Russian America: The Forgotten Frontier / Eds B. S. Smith, R. J. Barnett. Wash., 1990. P. 176, 179.
- ⁵² McClellan C. Op. cit. P. 88.

Totemisms among the Haida, Tlingit, and Zimshian

The author focuses on some of the most complicated issues related to the problem of totemism among the Indian tribes of the North-West coast of North America. New data, unused previously, are presented. A special form of totemism of the Indians of the North-West coast, the so called «prestigious totemism», is singled out as a phenomenon, unknown to classical totemism. The author's analysis of the material allows him to give a more precise definition of the notion of totemism.

A. V. Grinyov